

ОГЛАВЛЕНИЕ. № 1

НАША СТРАНА	1
ВЕСЬ ТУМАН (С. С. Соловьев)	36
ЧТО ЖДЕМЪ НА РОДИНѢ	37
Н. А. ЛАВРОВЪ, КАЗЪ ФНАКОВЪ. — Н. А. ГРАДОВИЧЪ	50
ВЗГЛЯДЪ НА ВОЗНЕСЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ (Н. А. ГРАДОВИЧЪ)	77
1881—1901 (Н. А. ГРАДОВИЧЪ)	114
КОМЕТНАЯ КАЗЪ И ПОСЛЕДСТВЕННАЯ ВОЙНА РЕВО- люціоннаго социализма. — Ю. П. Соловьев	127
РОДЪ И ТРАДИЦІА НАШЕГО АНТИСТАТУ. — С. С. Соловьев	149
ПОСЛЕДСТВЕННАЯ ВОЙНА. — А. М. Соловьев	182
ДЕМОКРАТИЯ И ВОЙНА. — А. М. Соловьев	206
ПОСЛЕДСТВЕННАЯ ВОЙНА И ОСНОВЫ НАШЕГО СОЦИАЛИЗМА. — А. М. Соловьев	223
РАБОТА И ВОЙНА. — А. М. Соловьев	244
НАШЕ ОБОЗРѢНІЕ	
ЧТО ЖЕ НАШЕ ОБОЗРѢНІЕ? (Н. А. ГРАДОВИЧЪ)	1
КОМЕТНАЯ КАЗЪ И КОМЕТНАЯ ВОЙНА.	
1. О КОМЕТНОЙ КАЗЪ. — Н. А. ГРАДОВИЧЪ	3
2. О КОМЕТНОЙ ВОЙНЕ. — А. М. Соловьев	23
3. О КОМЕТНОЙ ВОЙНЕ. — А. М. Соловьев	37
4. О КОМЕТНОЙ ВОЙНЕ. — А. М. Соловьев	39
5. О КОМЕТНОЙ ВОЙНЕ. — А. М. Соловьев	50
6. О КОМЕТНОЙ ВОЙНЕ. — А. М. Соловьев	54
7. О КОМЕТНОЙ ВОЙНЕ. — А. М. Соловьев	61
8. О КОМЕТНОЙ ВОЙНЕ. — А. М. Соловьев	63
9. О КОМЕТНОЙ ВОЙНЕ. — А. М. Соловьев	72
10. О КОМЕТНОЙ ВОЙНЕ. — А. М. Соловьев	84
11. О КОМЕТНОЙ ВОЙНЕ. — А. М. Соловьев	101
12. О КОМЕТНОЙ ВОЙНЕ. — А. М. Соловьев	109
13. О КОМЕТНОЙ ВОЙНЕ. — А. М. Соловьев	110

MESSAGER DE LA RÉVOLUTION RUSSE.

Вд $\frac{71}{227}$

ВѢСТНИКЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

Подъ редакціею Н. ТАРАСОВА

№ 1.

Цена 4 франка.

ЖЕНЕВА. PARIS.
Туд. Гр. Скар. Народовольцевъ. DEPOT GENERAL
6, Ch. des Grands Philosophes. Société Nouvelle de Librairie et
d'Édition. 17, rue Cujas.

Июль, 1901 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ. № 1

НАША ПРОГРАММА	1
ЛЕСЬ РУБИТЬ (стихотворение)	16
ЧТО ДѢЛАЕТСЯ НА РОДИНѢ?	17
Н. А. ЛАВРОВЪ, КАКЪ ФИЛОСОФЪ.—Н. А. Рузановича	59
ЖИЗНЬ ВЪ ШЛИССЕЛБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ (неизданная рукопись)	77
1881—1901 (Замѣтка).—А. Левицкого	114
КОНЕЧНАЯ ЦѢЛЬ И ПОВСЕДНЕВНАЯ БОРЬБА РЕВОЛЮЦИОННАГО СОЦІАЛИЗМА.—Юлія Гартвица	127
РОЛЬ И ТАКТИКА НАШИХЪ ЛИБЕРАЛОВЪ.—С. Краснопольскаго	159
ИСТОРИЧЕСКІЕ ЗНАЧЕНІЯ.—А. Н. Комова	187
ДЕМОНСТРАЦІИ (Быль изъ студенч. жизни 80-хъ г.)—В. Л.	206
ПО ПОВОДУ СОРОКАЛѢТНЕЙ ГОДОВИЦЫ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ.—Л. Шинко	223
РАБОЧИЙ ВОПРОСЪ И РЕВОЛЮЦІЯ.—Н.	244

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЧТО ЖЕ НАСЪ РАЗЪЕДИНЯЕТЪ? (Письмо социаль-демократа въ редакцію).—Изъ стихотворенія	1
КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ДОКУМЕНТЫ ИЗЪ РОССИИ:	
1. С. Петербургъ, Одесса, Томскъ, Половскъ, Харьковъ, Саратовъ	8
2. О положеніи студентовъ, отданныхъ въ солдаты	29
3. Три прокламаціи къ русскимъ офицерамъ	32
4. Дѣло Н. В. Карповича	39
5. Дѣло Н. К. Лагоискаго: а) вопросъ; б) обвинительный актъ	50
БѢЖЪ РАБОЧИХЪ (Съ французскаго).—Э. Вандервельде	56
ВМѢСТО ИНОСТРАННАГО ОБОЗРѢНІЯ	61
БИБЛИОГРАФІЯ	80
ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ	88
И. И. СВѣДѢНЦОВЪ (некрологъ)	92
ИЗЪ БЮЛЛЕТЕНІЙ, ИЗДАВАЕМЫХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ	96
ПИСЬМО Н. В. КАРПОВИЧА	107
ПОПРАВКА	109
ЗАЯВЛЕНІЯ	110

ПО ПОВОДУ Сорокалѣтней годовщины ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ

I.

Одною изъ самыхъ характерныхъ особенностей нашей крестьянской реформы слѣдуетъ признать то обстоятельство, что, несмотря на всю свою огромную общественную важность, она совсѣмъ не затронула политическихъ условій русской жизни. Съ политической стороны, эта реформа, со всѣми другими вытекшими изъ нея была до такой степени незначительна, что не только не парализовала до реформеннаго революціоннаго теченія въ Россіи, но, напротивъ того, сама послужила къ его усиленному развитію. И это совершенно понятно, такъ какъ реформа шестидесятихъ годовъ ни въ чемъ не измѣнила у насъ основного политическаго принципа стараго государственнаго строя. Если здѣсь была кака-нибудь уступка въ политическомъ отношеніи, то только въ смыслѣ отъѣма тогда вотчинныхъ правъ и нашего крѣпостнаго помѣщичьяго феодализма; но и эта отъѣма произошла у насъ въ пользу старой государственной власти. Въ этомъ обстоятельствѣ существенная разница между паденіемъ крѣпостнаго права въ Западной Европѣ и въ Россіи. Современное общественное положеніе въ Россіи иногда сравнивается съ до революціоннымъ положеніемъ Франціи; но такое сравненіе врядъ ли справедливо, такъ какъ сама реформа 61-го года уже была до извѣстной степени нашимъ 1789-мъ годомъ. Можно сказать, что Россія пережила тогда одинъ изъ главныхъ

моментовъ своего перваго революціоннаго переворота: освобожденіе крестьянъ и освобожденіе земли. Но только этотъ крупный общественный переломъ произошелъ у насъ безъ малѣйшихъ признаковъ политическаго освобожденія; вся его политическая сторона исчерпалась тѣмъ результатомъ, какой былъ достигнутъ во Франціи однимъ возстаніемъ крестьянъ противъ помѣщичьихъ замковъ въ іюль и августъ 1789 года. А это значитъ, если оставить въ сторонѣ чисто идейное движеніе интеллигенціи, что изъ всѣхъ общественныхъ классовъ только одно крестьянство сыграло у насъ тогда извѣстную политическую роль, оказавъ съ своей стороны, въ формѣ учащеныхъ бунтовъ и изобій помѣщиковъ, извѣстное революціонное давленіе на правительство (непоминая рѣчь Александра II, обращенную въ 1856 году къ московскому дворянству). Соответственно этому, сколько-нибудь серьезная политическая перемѣна произошла тогда лишь въ положеніи одного крестьянства, чѣмъ именно и объясняется подѣльное крушеніе всѣхъ политическихъ надеждъ и разсчетовъ нашихъ умѣренныхъ либераловъ пореформеннаго періода.

Но незначительность достигнутыхъ политическихъ результатовъ не отнимаетъ, конечно, у нашей крестьянской реформы ея огромной общественной важности. Деятельнаго февраля 61-го года Россія вышла одной своей стороной изъ условій феодальнаго общественнаго строя; въ ея жизни произошелъ тогда переворотъ, не уступающій по своимъ размѣрамъ, поскольку дѣло касалось юридическаго положенія крестьянъ и промышленной свободы вообще, общественному перевороту 1789 года. Но только политическіе размѣры нашего общественнаго переворота 1861 г. были крайне незначительны: наше самодержавіе не только не пошатнулось отъ него, а, напротивъ того, обновилося и, до извѣстной степени, упорядочилось, облеклось въ европейскія одежды. И вотъ уже сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а оно все еще продолжаетъ существовать въ тѣхъ же самыхъ неизмѣнныхъ рамкахъ до реформеннаго государственнаго права. Тѣмъ временемъ новыя юридическія и экономическія условія сдѣлали, какъ извѣстно, свое дѣло въ

смыслъ, съ одной стороны, полного разоренія крестьянства, а съ другой — довольно значительнаго промышленнаго развитія страны. Последнее обстоятельство, несомнѣнно, указываетъ на большую эластичность современной формы абсолютной монархіи, а также на отсутствие какой-либо тѣсной прямой связи между промышленнымъ развитіемъ и политической свободой. Если промышленное развитіе въ концѣ концовъ создаетъ массовые элементы для политическаго освобожденія страны, то само по себѣ, оно вовсе не требуетъ политической свободы, какъ необходимаго для себя условія. Оно можетъ, болѣе или менѣе успешно происходить въ условіяхъ почти полнаго политическаго рабства: даже болѣе того: оно само способствуетъ до известной степени политическому закрѣпощенію массъ. Эта истина постепенно являлась на всей новѣйшей исторіи западноевропейскихъ странъ, гдѣ буржуазія неуклонно стремилась, ислѣдъ за низверженіемъ стараго порядка, ограничить политическія права народа, охотно бросаась для этого въ объятія Панолеоновъ и Бисмарковъ. Но всего лучше эта историческая истина подтверждается именно на нашей пореформенной Россіи, тѣснымъ союзомъ нашей молодоты, только что развивающейся буржуазіи съ неограниченными самодержавіемъ, причемъ самое ея развитіе было построено въ значительной степени на почвѣ этого союза.

Существуетъ, какъ извѣстно, историческая схема, объясняющая общественные перевороты развитіемъ производительныхъ силъ, причемъ предполагается, что этимъ развивающимся производительнымъ силамъ становится тѣсно въ оболочкѣ стараго государственнаго строя, и онъ разрывается.

Но чтобы объяснить паденіе крѣпостнаго права въ Россіи, какъ общественный переворотъ, положившій начало ея новѣйшей исторіи, мы должны были бы совершенно перевернуть эту историческую схему: иначе ее трудно было бы привести въ надлежащее соотвѣтствіе съ фактами. Въ самомъ дѣлѣ, истинный ходъ событій оказался тогда какъ разъ обратнымъ тому, какого слѣдовало бы ожидать согласно классической формулѣ: революціонный толчекъ дви-

женію былъ данъ со стороны представителей подавленнаго экономическаго класса въ наиболее отсталой изъ областей производства, т. е. со стороны крѣпостныхъ крестьянъ; съ другой стороны, дореформенный государственный строй, не только не задыхавшійся въ своей оболочкѣ, но, напротивъ того, отстаивавшій ея полную неприкосновенность, самъ почувствовалъ тогда необходимость поднятія слѣшкомъ низкаго экономическаго уровня страны и съ этою цѣлью самъ раздвинувъ значительно экономическія рамки общественной жизни. Создавъ такимъ путемъ юридическую возможность для промышленнаго развитія, онъ затѣмъ сталъ осуществлять эту возможность соотвѣтственной экономической политикой.

Такимъ образомъ развитіе производительныхъ силъ явилось въ данномъ случаѣ не преддверіемъ, а результатомъ общественнаго переворота, происшедшаго при чрезвычайно низкомъ экономическомъ уровнѣ, подъ вліяніемъ стихійнаго броженія крестьянъ и настоятельныхъ потребностей самого государства.

II.

Мы видимъ, слѣдовательно, что анализъ условій, при которыхъ произошло паденіе крѣпостнаго права въ Россіи, представляетъ собой извѣстный теоретическій интересъ, такъ какъ имѣетъ прямое отношеніе къ господствующей въ настоящее время экономической революціонной теоріи, которая несомнѣнно оказываетъ свое вліяніе на ходъ революціоннаго движенія въ Россіи. Вотъ почему мы считаемъ нелишнимъ, прежде чѣмъ продолжать этотъ анализъ, остановиться на томъ возраженіи, которое можетъ быть сдѣлано, съ точки зрѣнія этой теоріи, противъ только что формулированнаго нами вывода.

Согласно этому выводу, прямо продиктованному фактами, исходнымъ моментомъ нашего урѣзаннаго, монархическаго 1789-го года былъ не стихійный напоръ производительныхъ силъ, а напротивъ того слѣшкомъ низкій культур-

ный и экономический уровень страны, заставивший государство взять на себя инициативу освободительной реформы.

Въ отъѣтъ на это намъ могутъ поставить на видъ, что именно благодаря низкому уровню экономического развития Россіи освобожденіе крестьянъ и произошло въ ней безъ политическаго переворота, безъ ограниченія абсолютной монархіи, тогда какъ, напримѣръ, во Франціи, при значительно болѣе развитіи ея производительныхъ силъ въ до-революціонный періодъ, это освобожденіе сопровождалось величайшимъ въ исторіи политическимъ потрясеніемъ. А если такъ, то отсюда очевидно приходится сдѣлать выводъ въ пользу огромнаго революціоннаго значенія развитія производительныхъ силъ.

Легко видѣть, однако, что, если даже признать правильнымъ объясненіе французской революціи развитіемъ ея производительныхъ силъ, это возраженіе нисколько не противорѣчитъ нашему выводу. Не подлежитъ сомнѣнію, что революціонный переворотъ 1789 года былъ подготовленъ болѣе высокимъ политическимъ и культурнымъ развитіемъ французскаго общества, что размѣры этого переворота соотвѣтствовали гораздо болѣе развитію городской жизни, чѣмъ какого достигла Россія къ концу 50-хъ годовъ: все это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ эта ссылка на данный историческій фактъ можетъ уничтожить выводъ, опирающійся на другой историческій фактъ, свидѣтельствующій о томъ, что въ другой странѣ и при другихъ общественныхъ условіяхъ могъ произойти крупный общественный переходъ безъ сколько-нибудь замѣтнаго участія въ немъ давленія со стороны стѣсненныхъ въ своемъ развитіи промышленныхъ силъ? А вѣдь въ этомъ именно выводъ и заключается въ данномъ случаѣ все дѣло. Указаніе на огромную революціонную роль развитія производительныхъ силъ въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ, или даже во всѣхъ случаяхъ, когда это развитіе имѣетъ мѣсто, нисколько не уменьшаетъ значенія нашего вывода, такъ какъ сущность разсматриваемой революціонной теоріи заключается не въ признаніи или непризнаніи революціонной роли развитія

производительныхъ силъ (на этого счета, съ тѣми или другими оговорками, могутъ согласиться между собой представители всѣхъ революціонныхъ теченій), а въ признаніи или непризнаніи за экономическимъ развитіемъ значенія главнаго или даже единственнаго источника общественныхъ движеній. Если же отнять у этой теоріи ея всеобщность и исключительность, то вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и обязательный характеръ всѣхъ ея выводовъ. Сказать, что развитіе производительныхъ силъ ведетъ за собой накопленіе въ странѣ революціонныхъ элементовъ, это — одно дѣло; а сказать, что источники всякаго общественнаго движенія необходимо связаны съ ростомъ производительныхъ силъ, это — совсѣмъ другое дѣло. Первый выводъ заставляетъ искать въ общественной средѣ, охваченной промышленнымъ движеніемъ, болѣе или менѣе подготовленныхъ элементовъ общественнаго переворота. Второй выводъ заставляетъ оставлять въ сторонѣ, какъ индифферентные или даже анти-революціонные, всѣ общественные элементы, не связанные съ промышленнымъ развитіемъ страны. И эта исключительность необходимо возводится тогда въ принципъ; она вытекаетъ изъ теоретическаго обоснованія данной революціонной программы.

Указывая на отсутствіе давленія со стороны производительныхъ силъ въ нашемъ до-реформенномъ движеніи, мы имѣли въ виду не оспаривать революціонное значеніе всякаго экономического развитія — это совсѣмъ особый вопросъ, — а противопоставить данной теоріи общественныхъ движеній противорѣчающій ей конкретный историческій фактъ. Единственнымъ возраженіемъ противъ этого факта могло бы быть только отрицаніе его исторической важности, низведеніе его на степенъ чисто второстепеннаго, побочнаго историческаго явленія. Но такой взглядъ на крестьянскую реформу 61-го года врядъ-ли рѣшится отстаивать даже самые крайніе сторонники «экономическаго материализма». Размѣры всякаго историческаго явленія опредѣляются не сравненіемъ его съ болѣе крупными событіями другихъ странъ, а его собственнымъ значеніемъ въ ходѣ общественной эволюціи данной страны. Но съ этой точки

зрѣнія паденіе крѣпостного права несомнѣнно имѣло для Россіи значеніе настоящаго общественнаго переворота, и этотъ переворотъ долженъ получать особенно крупныя размѣры въ глазахъ именно сторонниковъ экономическаго материализма, такъ какъ паденіе крѣпостного права положило у насъ начало нашему промышленному развитію въ формѣ капиталистическаго производства.

Такимъ образомъ самое появленіе капиталистическаго производства въ Россіи слѣдуетъ приписать, въ послѣднемъ счетѣ, освободительному движенію 1861 года, между тѣмъ какъ само это движеніе отнюдь не можетъ быть приписано развитію производительныхъ силъ.

III

Всемирный историческій процессъ, охватывающій въ своемъ непрерывномъ движеніи все болѣе и болѣе растущую группу государствъ, все сильнѣе и сильнѣе вліяющихъ другъ на друга въ процессѣ своего развитія, врядъ ли можетъ быть подведенъ подъ какой-либо одинъ историческій законъ, такъ какъ само непрерывное развитіе общественной жизни постоянно создаетъ новыя и новыя общественныя силы, входящія новыми элементами въ составъ историческаго движенія. Вслѣдствіе этого, если не въ раннихъ, то въ позднѣйшихъ фазахъ всемірно-историческаго процесса, на исключающее политическое положеніе того или другаго общества слѣдуетъ смотрѣть, какъ на новый историческій фактъ, какъ на новую комбинацію общественныхъ условій и силъ, еще никогда не встрѣчавшуюся въ прежнихъ фазахъ исторической жизни. Вотъ почему нѣтъ ничего удивительнаго, что при анализѣ политическаго положенія Россіи, вызваннаго крестьянскую реформу 61-го года и затѣмъ созданнаго самой этой реформой, мы наталкиваемся на особенности, свойственныя именно данному обществу и данному періоду общественной эволюціи.

Такъ мы уже видѣли, что русская абсолютная, полу-азиатская монархія сумѣла хорошо приспособиться къ самому повѣйшему фазису западно-европейской промышленной

жизни, сумѣла выйти изъ финансоваго кризиса, учетверить свой бюджетъ и замѣнить свое прежнее, дореформенное хищничество и казнокрадство капиталистической формой эксплоатации земледѣльческаго населенія. Нельзя не подивиться тому искусству, съ какими были пушены при этомъ въ ходъ все повѣйшія орудія, выработанныя западно-европейскими промышленными развитіемъ: желѣзныя дороги, банки, косвенные налоги и наконецъ (путемъ покровительства крупной промышленности) машинное производство. Но все эти усовершенствованные способы эксплоатации явились у насъ не результатомъ внутренняго экономическаго роста, какъ на Западѣ, а были перенесены на нашу дѣйственную почву въ качествѣ простыхъ фискальных орудій; они были какъ бы оторваны искусственно отъ западно-европейской промышленной системы, чтобы служить у насъ не промышленной, а чисто фискальной цѣли: правительственной эксплоатации народныхъ массъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они послужили также и еще одной цѣли: они явились орудіями первоначальнаго накопленія для нашей нарождающейся буржуазіи, при чемъ ту роль, какую играло на Западѣ, въ XV и XVI вѣкахъ, туземное населеніе тропическихъ колоній, сыграло у насъ наше только что освобожденное крестьянство.

Не слѣдуетъ думать, чтобы при всѣхъ своихъ экономическихъ преобразованіяхъ наше правительство дѣйствительно ставило своей задачей повышеніе экономическаго уровня страны. Оно заботилось прежде всего объ увеличеніи своего бюджета. Оперативнымъ базисомъ и объектомъ его финансовой политики было все то же земледѣльческое производство, какъ это давно уже выяснено (и не опровергнуто) «Очерками пореформеннаго хозяйства» Николая — она.

Расширка до полнаго истощенія почвы всѣхъ надѣльныхъ и арендованныхъ земель нашимъ многомилліоннымъ крестьянствомъ; продажа имъ максимальнаго количества хлѣба и сокращеніе до минимума его собственнаго бюджета — вотъ истинный источникъ финансоваго и военнаго могущества нашего пореформеннаго государства. Это была чисто хищническая эксплоатация прежнихъ же народныхъ производительныхъ силъ, при помощи желѣзныхъ дорогъ и кредит-

ных учреждений, путем выколачивания податей и огромных налогов на потребление. Промышленное развитие явилось при этом как бы побочным продуктом, в непосредственной связи с внешними займами и грандиозным казнокрадством. Шестидесятые и семьдесятые годы нашей пореформенной экономической жизни были, как известно, наполнены железнодорожными концессиями, колоссальным разграблением бакирских и кавказских земель и банкирскими операциями; — и за это именно время целые миллиарды народных денег были пущены у нас в капиталистическое обращение, но не путем каких-либо производительных операций, а благодаря самому принятивому расхищению казны; они просто были разворованы и разошлись по карманам концессионеров и казенных подрядчиков. Другие миллиарды были приобретены нашей нарождавшейся буржуазией путем торговой экспантации: скупкой крестьянского хлеба и перепродажей поместных земель и лесов. На этой почве неслучайно правительственного грабежа и полного разорения земледельческого населения и выросла наша капиталистическая промышленность. Такова ее первоначальная история, которая не могла не оказать влияния и на все ее дальнейшее развитие.

Наша капиталистическая промышленность носит на себе неизгладимые следы своего происхождения. Ее сходство с западно-европейским капитализмом во многих отношениях только внешнее. Это всего больше отражается на политической физиономии нашей буржуазии. Будучи диктатором или даже скорее побочным продуктом деспотического режима, она находится в полной зависимости от него во всем, что касается ее экономической жизни; она обязана ему не только источниками своего первоначального накопления, но также и искусственным охранением всего ее экономического существования; созданием для нее совершенно искусственных внутренних экономических условий. Нет сомнения, что и западноевропейский капитализм постоянно нуждается в государственной поддержке: охранительных пошлинах, колониальных войнах и т. д. Но несомненно также и то, что только деспотический режим способен

создать и поддерживать те внутренние экономические условия, при которых процветает у нас капиталистическое производство: чтобы затрачивать миллиарды на железные дороги и казенные заказы при умирающем с голода населении; чтобы заставлять это буквально умирающее с голода население платить двойную и тройную цену за предметы первой необходимости: железные изделия, бумажные ткани, сахар или каменный уголь; чтобы при этом еще уплачивать огромные, многомиллионные субсидии и вывозные премии нашим заводчикам, — для всего этого безусловно необходимо, чтобы земледельческая масса была лишена всякого представительства, чтобы она была политически придавлена и безгласна. При малейшем проблеске политической свободы эта чудовищная система должна рухнуть; а между тем на этой именно системе и зиждется наш капитализм. Он не только взращен и взлелеян ею, но она еще и до сих пор безусловно необходима для него, ибо наша буржуазия лишена всех тех свойств, которыми западно-европейская буржуазия должна была приобрести на почве более нормальных политических условий, и потому не способна конкурировать с ней на нашем внутреннем рынке. Она не способна сама поддерживать свое привилегированное экономическое положение в стране, силою одного своего капитала, а потому безусловно нуждается в сохранении существующего политического режима.

Второе несходство в политическом положении нашей буржуазии, по сравнению с западно-европейской, заключается в ее, так сказать, паразитной роли по отношению к государству. Мы видели, что наше пореформенное государство основало свое военное могущество и весь свой громадный, больше чем полуторамиллиардный бюджет на крестьянском хозяйстве. Вследствие этого, экономически, оно стоит почти вне всякой зависимости от городской индустрии. Его доходы с торговли и промышленности равнялись в 1898 г. только 62 миллионам; его таможенные доходы, правда, давали ему более крупную сумму, около 220 миллионов рублей, но так как весь наш экспорт покрывается вывозом продуктов сельского хозяйства и добыча-

шей промышленности, то ими, следовательно, а не обрабатывающей промышленностью определяются размеры нашего ввоза и доходность таможенных пошлин. Таким образом, экономически, наше государство несколько не подчинено буржуазии, несколько не зависит от ее вкладов в бюджет. Наше пореформенное государство не могло, конечно, помешать зарождению у нас буржуазии, да вовсе и не желало этого; напротив того, оно даже старалось создать все необходимые для этого условия. Но это было для него, так сказать, побочным делом, сопутствующим результатом его собственной эксплуатации народа, а в этой эксплуатации оно играет и играет у нас до сих пор совершенно самостоятельную роль. Не надо думать, чтобы наше правительство проводило сознательно идею экономического развития государства, такой взгляд был бы наивной идеализацией деспотического режима с его бюрократией. Последняя руководится в своей экономической деятельности гораздо более родственными и доступными ей мотивами: казнокрадством и влитошничеством. Если наше высшее чиновничество усердствовало и усердствует в проведении жалованных дорог, то главным образом потому, что получает вышки и ханит миллионы с концессионерами; если оно создает металлургическую промышленность на юге и учреждает акционерные компании, то прежде всего потому, что само участвует в баснословных барышах, обусловленных казенными подрядами; если оно покровительствует сахарозаводчикам и санкционирует их синдикаты, то опять-таки потому, что высокопоставленные лица состоят членами этих синдикатов, и т. д. Вот истинные мотивы и двигатели, связывающие наше государство с судьбами нашей крупной промышленности, а вовсе не какая-нибудь сознательная государственная необходимость. Такой необходимости не существует, так как, фактически, наш настоящий государственный строй питается почти исключительно соками нашего голодающего земледельческого населения, которое и составляет его главную экономическую опору.

Вследствие этого, в политическом отношении наша бур-

жуазия является не органическим составным элементом этого строя, а как-бы наростом на нем, дополнительным паразитом, высасывающим вместе с ним народные соки. Наше пореформенное государство не создано буржуазией, как создано, например, западноевропейское государство после революционной эпохи во Франции. Там государство и буржуазия органически слились в одно целое; там буржуазия завладела государством и отождествилась с ним. У нас же, наоборот, сама буржуазия создана государством старого порядка, сохраняющим до сих пор свое самостоятельное существование и держащим эту буржуазию под своей правительственной опекой. В этом отношении представители нашего повзрослого капитализма напоминают скорее откупщиков, генеральных фермеров и банкиров дореволюционной эпохи, которые в большинстве случаев стояли на стороне старого порядка, так как с ним были связаны все способы их обогащения. До какой степени наше монархическое государство независимо политически от нашей буржуазии, хорошо можно судить по тому, например, с какой легкостью оно провело в своих собственных интересах реформу по продаже спиртных напитков, отняв этим уже и теперь у частных предпринимателей более ста миллионов прибыли. Да и фабричные законы? Разве могло бы так легко их провести правительство, зависящее от буржуазии, даже и принимая в расчет крайнее несовершенство нашего фабричного законодательства?

Этой независимостью государства от промышленных сфер и полной зависимостью последних от государства определяется политическое положение нашей буржуазии, как класса; а этим политическим положением определяется ее классовая роль в текущей политической борьбе. Вот почему наша абсолютная монархия не только не встречает оппозиции в рядах наших культурных и некультурных Разумеевых, но, напротив того, находит в них своих верных защитников. Если даже западноевропейская буржуазия стала теперь монархической и клерикальной из страха перед социализмом, то чего же нам ждать от-

нашего „чужака“, вскормленного на казенных подрядях? Вот, почему также и наши идейные либералы никогда не связывали своих политических надежд с буржуазией, как классом: они или вбрили в просвещенную монархию, или сочувствовали тайной революционной социалистической партии. Роль нашей буржуазии внутри государства до такой степени лишена всяких политических сторон, что к ней слишком трудно приурочить какую-нибудь политическую идеологию; она при самом своем появлении на свет уже обладала худшими из тех свойств, какие западноевропейская буржуазия приобрела лишь при своем политическом вырождении.

Таким образом у нас в сущности нет либеральной буржуазной партии. Все наши либералы в земствах, в городских думах и в литературе держатся, хотя умственно, но чисто демократической политики, так как останавливают чисто-народные интересы: заботятся о развитии местного самоуправления, о школах, о народной медицине, о помощи переселенческому движению, о спасении голодающих и т. д. Буржуазная же партия у нас вместе с тем и монархическая, реакционная. Наше общество разбито в сущности только на два лагеря: на одной стороне — реакционеры, поддерживающие самодержавие и православие, а к ним примыкает, как класс, и наша буржуазия; на другой стороне — наша демократическая интеллигенция и все наше рабочее население. Та часть демократической интеллигенции, которая не примыкает к революционной социалистической партии и даже отрицает революционную борьбу, идет тем не менее рука об руку с социалистическим движением, так как помогает ему своей культурной работой. Таким образом все наше прогрессивное движение развивается в чисто демократическом направлении; оно происходит в интересах рабочего населения и опирается на интересы рабочего класса, а потому, по существу своему, оно носит более или менее социалистический характер. Внѣ социализма у нас нет в настоящее время ни одной прогрессивной политической программы.

IV

Итак, анализ общественных условий, созданных в России крестьянской реформой, приводит нас к тому выводу, что прогрессивное политическое движение неразрывно связано у нас с социалистическим и должно опираться на интересы рабочего населения. Отсюда вытекает громадная политическая роль, предстоящая нашему пролетариату. Благодаря социалистическому характеру нашего революционного движения, на наш городской пролетариат, еще до появления в России социально-пролетарской революционной доктрины, уже было обращено усиленное внимание нашей революционной партии. В городских заводских и фабричных центрах начало осуществляться у нас народническое движение семидесятих годов; среди петербургских, харьковских, киевских и одесских рабочих действовали позднее многие члены земновольческой и народвольческой организаций; затѣм появились социаль-демократы. Можно сказать, что кружковая революционная пропаганда не прекращалась в наших промышленных центрах в течение всех последних тридцати лет. И вот теперь эта революционная работа, вместе с культурным воздействием самой жизни, начинает приносить плоды, начинает проявляться в массовых рабочих демонстрациях. Городской пролетариат выступает у нас наконец на политическую сцену. Чрезвычайно важно поэтому именно для настоящего серьезного и тревожащего момента определить, исходя опять-таки из условий, созданных реформой 61-го года, какова же должна быть у нас роль городского пролетариата в нашем дальнейшем социально-революционном движении, чтобы иметь перед собой, так сказать, теоретическую руководящую нить в этом движении. Мы знаем, конечно, что в периоды приближающегося революционного настроения, подобного переживаемому нами теперь, не теоретические соображения, а события руководят людьми и партиями. Но с другой стороны, теоретические соображения всегда со-

храняют за собой известное влияние, способное противодействовать тем или другим возможным увлечениям.

Прежде всего мы должны обратить внимание на размеры нашего городского пролетариата, от которых, конечно, зависит и сила городского рабочего движения. Мы уже видели, на какой скудной почве выросла наша капиталистическая промышленность. Ея первоначальный основной и оборотный капитал был извлечен из производительных средств крестьянского населения. В то же время, главным рынком, на который она опиралась, в своем развитии и опирается до сих пор, является наш внутренний рынок, т. е. преимущественно ежегодный доход подорванного в своих производительных силах крестьянского хозяйства и затѣм безконечные внешние займы, покрывающие расходы на казенные постройки и заказы.

Такая скудная и искусственно создаваемая почва не могла, разумеется, принести обильных плодов, а потому размеры нашей промышленности и численность нашего городского пролетариата сравнительно еще очень незначительны. Если принять в расчет население только одной Европейской России, то относительный размер нашего рабочего контингента в $4\frac{1}{2}$ раза уступает численности германского пролетариата^{*)}. В четыре с половиной раза меньший контингент городского пролетариата! Это очень крупный недостаток. Чтобы нагляднее представить себе эту разницу, стоит только предположить, что в Германии, при населении в 53 миллиона, было бы всего 1.010.000 фабричных и заводских рабочих; или же наоборот, что в России было бы теперь уже около 9 $\frac{1}{2}$ миллионов городских-рабочих. Во Франции, в 1848 г., отношение промышленного рабочего населения к сельскохозяйственному не было втрое меньше благоприятным для город-

*) По данным 1895 г., в Германии, при населении в 53.324.000 душ, насчитывалось до 4.548.000 рабочих, занятых в крупной промышленности; у нас, в 1897 г., при населении Европейской России в 115.475.000 душ, насчитывалось таких рабочих 2.098.000.

ского революционного движения, чѣм у нас в настоящее время¹⁾, и тем не менее это движение было скоро подавлено, благодаря индифферентному или антиреволюционному настроению крестьянских масс. Мы знаем, конечно, что экономическое положение и настроение нашего крестьянства не могут быть сравнимы с положением и настроением французского деревенского населения той эпохи. Французское крестьянство довольно широко воспользовалось социальными результатами революции 1789 г.; мы знаем, что ближайший экономический переворот, произведенный этой революцией, произошел в значительной степени в его интересах. «Все свидетельства, пишет М. Ковалевский²⁾, сходятся в признании, что в годы, непосредственно следовавшие за пережитым Францией переворотом, состояние французского земледелия было значительно выше того, какое Юнга отбрасывает в своих путешествиях по Франции.» По словам самого Юнга, «революция отразилась самым благоприятным образом на участи бывших оброчных крестьян, сделавшихся независимыми владельцами своих надѣлов.»³⁾ Таким образом, экономически, революция 1789 г. заключалась прежде всего в освобождении не городского, а сельского производства; деховал монополию была уничтожена Учредительным Собранием, т. е. уже восторжествовавшей революцией, между тем как феодальные права были разрушены самим переворотом. Это лучше всего указывает на то, кого революция 1789 г. имѣла своим главным противником, и в ком состояла ея главная массовая сила. Сила эта заключалась в значительной степени в вооруженном крестьянстве⁴⁾, которое и воспользовалось, по крайней мере во многих местах, в своих

1) На этот счет трудно привести точный данные, так как статистика распределения населения по профессиям велась тогда во Франции очень несовершенно. В 1851 г., на каждые 10.000 жителей считалось занятыми земледельцами 5687 человек (вместе с семьями, промышленностью и торговлей — 2768 человек, либеральными профессиями — 1115).

2) Происхождение современной демократии, т. I, стр. 163.

3) Ibid.

4) «Та муниципальная революция, говорит Оларь, которую вы-

интересах совершившимся переворотом. Земли, приобретенные тогда французским крестьянством, довольно надолго обеспечили ему сравнительное материальное благосостояние, что в свою очередь должно было отозваться на его политическом настроении. Благодаря этому, как в 1848 г., так и позднее, французская деревня, хотя уже и разоряемая ипотекой, представляла собой очень благоприятную почву для политических интриг всех реакционных партий. Наше крестьянство несомненно находится в другом положении; в самом важном пункте, т. е. в своем экономическом положении и в формах своего землевладения, оно представляет в известном смысле антитезу французского мелкого собственника первой половины XIX века; оно скорее напоминает в этом отношении французское крестьянство дореволюционной эпохи. Отсюда следует, конечно, заключить, что и его политическая роль будет противоположна той, какую играло в XIX веке французское крестьянство, т. е. что оно не будет подавлять своим политическим индифферентизмом городское рабочее движение.

По этому выводю несколько не уменьшают значения тех соображений, которые непосредственно вытекают из приведенных нами фактических данных относительно сравнительной малочисленности нашего городского рабочего населения; напротив того, этот вывод говорит скорее в их пользу. В самом деле, на основании этих чисто фактических данных о размерах нашего городского пролетариата, а, следовательно, и возможных размерах нашего городского движения следует прежде всего прийти к заключению о необходимости для последнего быть поддержанным крестьянским движением, так же как было поддержано французское городское движение крестьянством в 1789 году. До сих пор теоретическая защита исключительно-пролетарской революционной программы обыкновенно

знала взятие Бастилии во Франции, в июль и август 1789 г., считала в городах, а потом в деревнях, была капитальным фактом среди других фактов, подготовивших торжество демократии и провозглашение республики. (Aulard, Histoire politique de la Révolution française).

венно опиралась у нас на соображение о неизбежном численном росте нашего городского пролетариата, вместе с неизбежным развитием крупной промышленности. С этой целью было выдвинуто даже особое учение о независимости размеров капиталистической промышленности от рынков. Но в данный момент этот спорный вопрос теряет свое значение, так как дело идет уже о начавшемся массовом движении и о тех размерах пролетариата, в которых застала его уже начавшаяся политическая борьба. И вот все заставляет нас думать, что в виду именно ограниченных размеров нашего городского пролетариата и обусловленных ими размеров возможного у нас городского рабочего движения, для него было бы в высшей степени важно оказаться не изолированным от крестьянства, а, напротив того, найти в нем своего союзника. Но если бы наше крестьянство находилось в том же положении, какое заняло французское крестьянство в послереволюционный период, если бы оно представляло собою ту индифферентную и спокойную массу, на которую могли бы опереться революционные партии, то тогда всякие разговоры о союзе с ним были бы бесполезны, так как достижение этого союза было бы практически неосуществимо. Вот почему мы и имеем основание сказать, что отсутствие аналогии между французским крестьянством эпохи 1848 г., подавившим городское движение, и нашим, несущим на себя всю тяжесть существующего государственного строя, говорит только в пользу защищаемого нами тезиса о необходимости для нашего городского рабочего движения искать теперь же поддержки и союзника в нашем малоземельном и безземельном крестьянстве.

Что же может быть выставлено против этого тезиса? Соображение о неотложных потребностях данной минуты, о невозможности ставить революционной задачей расширение движения в момент политического кризиса, когда все наличные силы должны быть направлены на нанесение одного решительного удара. С этой точки зрения, т. е. с точки зрения не эволюционного процесса, а революционного момента, рассматриваемый нами вопрос

устраняется самым положением вещей. Мы можем обсуждать его только в виду известной революционной программы, предполагающей более или менее продолжительную революционную деятельность и связанное с нею развитие самой революционной партии, расширение области ее влияния. Только в этом смысл и может идти речь о необходимости для нашего городского движения искать для себя теперь же опоры в оппозиционном настроении крестьянских масс. Признание этой необходимости вовсе не предполагает какой-либо остановки в начавшейся политической борьбе. В деятельности революционной партии всегда имются две стороны: непосредственные удары, наносимые ею противнику, и агитационные задачи в виду развития ее собственных сил. Вопрос, рассматриваемый нами, касается того, в каком направлении должна происходить теперь эта вторая сторона революционной деятельности: должна ли она быть замкнута в среду городского пролетариата или же выйти из нее и распространиться на крестьянские массы?

Вся высказанная нами соображения клонятся к тому, чтобы обосновать второе решение, как более соответствующее, с одной стороны, численным силам нашего городского пролетариата, а с другой — экономическому и политическому положению нашего крестьянства. Если последнему суждено у нас в силу стихийных социальных условий, играть в борьбе с самодержавием ту роль, какую играло во Франции крестьянство в 1789 г., то это предположение неизбежно должно вести за собою признание необходимости для революционной партии сознательного влияния на крестьянскую среду. В противном случае придется допустить, что крестьянская среда не нуждается, чтобы примкнуть к революционному движению, в том предварительном идейном воздействии, в каком нуждается и нуждается до сих пор городской пролетариат.

Что касается того огромного количества революционных сил, которое потребуется для революционной пропаганды и агитации в деревнях, то легко видеть, что количество этих сил обеспечивается самым ростом городского ра-

бочаго движения, при сохраняющихся связях наших городских рабочих с деревней и при постоянных высылках рабочих, замешанных в городских беспорядках на родину.

Надо только, чтобы наши рабочие организации признали революционное воздействие на деревню одной из своих насущных и неотложных задач, как это уже начинают признавать в некоторой части социаль-демократической литературы последнего времени. Так в одной из статей Плеханова в первом выпуске „Зари“ можно прочесть следующие строки: „Но, вѣдь, кромѣ *промышленных* рабочихъ, есть еще и *сельскохозяйственные*. Такихъ являются тѣ изъ крестьянъ, которые по незначительности своего земельного надела живутъ *продажей своей рабочей силы*. Эти крестьяне — тѣ же пролетаріи, и горе намъ, если мы забудемъ объ этомъ.“

Итакъ, какова же должна и можетъ быть роль нашего городского пролетариата в уже начавшейся массовой борьбе с самодержавием? Намъ нечего говорить, что всякій определений такого рода имѣютъ лишь относительную цѣну. Быть можетъ, действительность оправдаетъ болѣе оптимистическій взглядъ, и наше самодержавіе рухнетъ подъ напоромъ одного городского движениа. Тогда революціонное воздействие на нашу деревню будетъ происходить при условіяхъ хоть какой нибудь конституціонной свободы. Но здравая политика требуетъ не уменьшать трудности предстоящей задачи, а скорѣе рассчитывать на болѣе опасную и тяжелую борьбу, для успѣха которой потребуются болѣе резервы силы, — въ данномъ случаѣ, силы нашего малоземельнаго и обезземельнаго крестьянства. Сь этой точки зрѣніа, политическая роль нашего городского пролетариата можетъ быть определена скорѣе какъ роль революціоннаго авангарда въ массовой борьбѣ сь самодержавіемъ и какъ проводника политической пропаганды и агитаціи въ крестьянскую среду съ цѣлью возможнаго расширенія начинающагося массоваго революціоннаго движениа.

Л. Ицнко.

*) Еще разъ социализмъ и политическая борьба, стр. 27.